

Сергей Федюнин

докторант Центра европейских и евразийских исследований
Национального института восточных языков и цивилизаций, Париж
(doctorant contractual, Centre de recherche Europes Eurasie, INALCO, Paris)

Гайдаровский Форум, 15 января 2016

Экспертная дискуссия

«Интеграция мигрантов: кризис мультикультурализма. Что дальше?»

Мультикультурализм à la française: от символического отрицания к практическому воплощению¹

В своем несколько схематичном выступлении я буду говорить о процессах и тенденциях, связанных с управлением культурным разнообразием на примере Франции, но с экстраполяцией на другие развитые страны и, потенциально, на Россию.

1. О терминах

Я начну с терминологического аспекта. Мне не нравится понятие «мультикультурализм». Я думаю, что чаще всего оно нас вводит в заблуждение, притом когда о мультикультурализме говорят не только политики разного толка, но и исследователи в социальных науках. О политических спекуляциях с этим термином уже много написано и сказано, я хотел бы остановиться на некоторых эвристических недостатках данного концепта.

Во-первых, это понятие само по себе заставляет говорить на языке культурных различий, более того, на языке различий, потенциально не сводимых к общему знаменателю. Скажем, говоря о мультикультурализме в Соединенном Королевстве или во Франции, мы подразумеваем наличие некоего условного мусульманского (индийского, пакистанского, арабского и т.д.) меньшинства, живущего своей, обособленной жизнью. Так запускается процесс воображения, в котором появляется, например, «просто» молодой француз и представитель так называемой «арабской молодежи», родившийся во

¹ Доклад подготовлен в рамках коллективного исследовательского проекта по гранту Российского научного фонда (проект № 15-18-00064).

Франции. При этом в реальности различия между ними несоизмеримо меньше, чем, скажем, между крестьянским сыном из Прованса и выходцем из парижской буржуазии в XIX веке. Напомню, тогда, во многом справедливо, говорили о существовании двух «социальных рас», противоположных друг другу по образу жизни. Эти две «расы» - крестьян-провинциалов и горожан-буржуа – действительно мало что объединяло, тогда как молодые люди из нашего примера говорят на одном языке, посещают государственные школы, похоже одеваются, слушают современную музыку и т.д. Иными словами, я хочу сказать, что нужно быть осторожным в оценках различий и их значимости, всякий раз обращая внимание на масштаб и дистанцию анализа.

Во-вторых, мне кажется весьма проблематичным использование понятия «мультикультурализм» в качестве концепта-оппозиции для состояния «монокультуранности». В частности, говоря о господствующей сегодня эпохе мультикультурализма, мы склонны «забывать» о том мощном наследии ассимиляции и эмансипации, которое досталось современным обществам от XIX и XX столетий. Не только во Франции с ее республиканизмом, но и в России: здесь, несмотря на наличие компактно проживающих культурных меньшинств, сегодня все говорят на хорошем русском языке, все имеют некоторое представление о России как единой стране, о гражданстве и т.д.

В-третьих, рассуждения о мультикультурализме как о сосуществовании культур оставляют без внимания современные тенденции унификации образа жизни и индивидуализации культуры. Изменение восприятия разнообразия, изменение представлений о том, что должно терпеть, еще не означает, что исчезают доминирующие ценности, нарративы и социально поощряемые (и соответственно, порицаемые) модели поведения. Культурная плюрализация, то есть, по словам Ульриха Бека, ситуация, когда «глобальный Другой уже не находится “где-то там”, но “внутри” нас», отнюдь не противоречит сохранению культурных субстратов (прошу прощения за это выражение). От того, что вы регулярно ужинаете в японском ресторане или носите одежду, произведенную в Пакистане, вы не становитесь ни японцем, ни пакистанцем.

Таким образом, понятие «мультикультурализм» едва ли может быть надежным аналитическим инструментом. С точки зрения эвристической мощи и идеологической нейтральности, куда более полезным является концепт «управление культурным

разнообразием» (УКР), ставший относительно популярным в научной литературе в последнее время².

Что же касается «мультикультурализма», то я понимаю и использую этот термин исключительно в смысле особого мировоззрения, или, если угодно, *идеологии*, а также *проистекающей из нее политики* (policy). И идеология, и политика мультикультурализма исходят из эссециалистского восприятия культур, из идеи коллективных прав. А потому они нацелены на защиту (или поддержание) культурных различий усилиями государства, то есть при помощи легитимного принуждения. Напомню, что в Европе эта политика в отношении мигрантов задумывалась публичными интеллектуалами и политиками (кстати, не только левых взглядов) именно как *политика интеграции* по отношению к определенным категориям населения. Интеграции, понимаемой как обеспечение «параллельного» сосуществования меньшинств как бы рядом с принимающим сообществом.

2. Нежеланный мультикультурализм

Однако в большинстве случаев такая идеология и политика носят *непреднамеренный характер*. Иными словами, и я сейчас постараюсь это показать (для чего пример Франции весьма удобен), обособленность сообществ мигрантов часто является не столько следствием миграционной и интеграционной политики государства, сколько проистекает из других причин. Если угодно, эта обособленность объясняется логикой функционирования современного социального государства.

Мы привыкли думать о Франции как о стране победившей ассимиляции и жесткого республиканизма. Действительно, во Франции, в отличие от других стран (таких как Канада, Австралия или Швеция), мультикультурализм никогда не провозглашался официальной государственной политикой. Термин «мультикультурализм» не прижился здесь и в академической среде.

Тем не менее, с 1970-80-х годов во Франции инструментализация идентичностей стала привычным делом в публичной политике. Тогда же в интеллектуальных кругах

² Именно концепция УКР является базовой для указанного коллективного проекта, реализуемого по гранту РФФИ. Применительно к российской ситуации, концепт УКР является перспективной теоретической и политико-аналитической альтернативой для традиционно советского концепта «национальная политика».

заговорили о «дифференциализме» и *droit à la différence* – праве на различие. Еще в 1972 году был принят закон против «разжигания расовой розни» (более известный как *Loi Pleven* – закон Плевена). Именно с этого времени борьба за признание этничности и расовой принадлежности становится важным политическим вопросом.

Как и их коллеги в других странах Европы, французские политики активно используют культурные идентичности в целях формирования электоратов и выражения своих отличий от соперников. Одни (условно – левые, «ксенофилы») защищают идентичности и права меньшинств, вооружившись постколониальным и антирасистским дискурсом. Другие (условно – правые, «ксенофобы») выступают в защиту «национального единства», борьбы за права «коренных» и их культурное наследие. Вплоть до требований Национального фронта закрыть границы для всех мигрантов (включая европейских) и выйти из ЕС для восстановления, по их мнению, полного национального суверенитета.

Очень выразительной иллюстрацией «мультикультурализации» французской публичной политики является эволюция позиции Николя Саркози. В 2005 году, когда случились знаменитые волнения в парижских пригородах, именно Саркози, будучи министром внутренних дел, призывал к введению во Франции настоящего мультикультурализма: с позитивной дискриминацией, дополнительной социальной поддержкой для выходцев из иммиграции и т.п. Тогда он публично защищал «французский ислам». Два года спустя, во время президентской кампании, он уже предстал сторонником рестриктивной миграционной политики и ужесточения принципов интеграции. В 2011 году президент Саркози, как известно, вместе с другими европейскими лидерами заявил о «провале мультикультурализма», а в 2012 году он же призывал защитить «христианское наследие» Франции.

Другое свидетельство того, что республиканская модель сильно изменилась за последние годы, связано с терактами 2015 года. С одной стороны, религия по-прежнему отделена от государства и рассматривается как часть личной жизни французских граждан. Но вместе с тем официальные лица и медийная общественность, так сказать, настойчиво ожидают от представителей мусульманского сообщества, что те публично выразят свою лояльность ценностям республики, осудив исламизм как нечто, не репрезентирующее ислам как религию.

1970-е годы стали для Франции, как и других развитых стран, переломными и в другом смысле. Это время начала новых социетальных трансформаций. Мировой экономический кризис положил конец «счастливому послевоенному тридцатилетию» (*Les*

Trente Glorieuses). Началось массовое сворачивание промышленных мощностей. Появилась проблема, до сих пор являющаяся ключевой для развитых экономик, – безработица. На это наложились новые демографические и миграционные тренды. Именно тогда во Франции был принят закон о «воссоединении семьи», позволяющий родственникам мигрантов-работников перебираться в страну на постоянное место жительства. Так чем же ответило французское государство на новые вызовы?

В 2013 году была опубликована интересная книга известного демографа Мишель Трибала (Michèle Tribalat) под названием «Ассимиляция: конец французской модели». Во-первых, в книге автор защищает консервативный (в идеологическом смысле) тезис, согласно которому элиты отказались от селективной политики в отношении УКР и от защиты французских ценностей в пользу общеевропейского дискурса толерантности. Во-вторых, в книге на большом массиве статистических и социологических данных показано, что значительная часть мигрантов из стран Африки и Азии действительно отличаются куда большей «традиционностью» в сравнении с жителями секулярных и индивидуалистических европейских обществ. В среде выходцев из иммиграции, в особенности представителей мусульманской культуры, сильны процессы десекуляризации, этнической эндогамии и геттоизации.

Но самое интересное в этой книге, на мой взгляд, это то, чего в ней нет. А именно *изучения причин усиления коммунитарных связей*, которые всерьез мало кто анализирует. Речь идет о политике социального государства: о выплате пособий (по безработице, на содержание детей, субсидии для малоимущих и т.д.), о жилищной политике и регулировании на рынке труда («удорожание» стоимости найма одного работника всевозможным страхованием и налогами, «отрезание» неквалифицированной рабочей силы от рынка труда по средствам введения минимальной зарплаты и трудового законодательства).

На мой взгляд, французская модель социального государства создает то, что можно было бы назвать *«мультикультурализмом де-факто»*, косвенно поощряя создание этнических анклавов и, парадоксальным образом, создавая условия для напряженности. В том числе условия для самоизоляции выходцев из семей иммигрантов, французов с рождения, у которых создается впечатление, что между идеалами республиканского равенства и реальностью есть большой зазор.

К сожалению, у меня нет времени на то, чтобы развить этот тезис. Ограничусь одним примером – *проблемой пригородов крупных городов*. В 1970-е годы во Франции

была запущена масштабная государственная программа по строительству социального жилья. Это жилье дотируется из бюджета и распределяется местными властями на основании критерия низких доходов семьи. Сегодня существует обязательная для каждого муниципалитета норма – 20% от всего жилищного фонда коммуны должно быть социальным.

Итак, изначально благая идея – обеспечить людей, живущих чуть ли не на головах друг у друга в крупнейших городах страны. Эта программа помогла миллионам семей во Франции переселиться из неудобных квартир в старых зданиях в новые апартаменты в городах-спутниках. Социальное жилье стали получать и семьи мигрантов, которые – как и в любом обществе – начинают с низкой базы, с низа социальной пирамиды (что касается уровня дохода, социального статуса и пр.). На фоне роста безработицы, многие из мигрантов, не имевших значительных сбережений, оказались запертыми в застроенных дешевым социальным жильем пригородах Парижа, Марселя, Лиона. Местные французы стали массово переселяться из них, тем самым еще больше запуская «снежный ком» геттоизации мигрантов и их детей, рожденных французами.

В этих районах со слабо развитой инфраструктурой постепенно начинают процветать «социальные болезни»: наркотрафик, насилие, преступность (все слышали о парижском пригороде Сен-Дени), а также распространение радикального ислама. Возникает местечковость, особая идентичность – «молодежь из пригородов», и то, что Пьер Бурдьё назвал «культурным доминированием». Например, это ситуация, когда выходцы из пригородов буквально не покидают своих кварталов (за исключением дороги на работу и обратно, если есть работа), не выезжают, скажем, в центр Парижа не только для посещения музеев, баров, ресторанов, но и для прогулок. Иными словами, они этого не делают не из соображений экономии, а потому, что для них это символически другой, чужой мир.

И самое поразительное, что *анализа такого рода проблем практически нет* в публичных дебатах, не только в среде политиков, но и экспертов. Более того, исследователи несправедливо мало этим занимается. Вместо этого, по большей части, ведутся малопродуктивные споры, как, например, многолетние дискуссии о введении так называемой «этнической статистики» (*statistiques ethniques*).

Итак, подытожу: проблема интеграции мигрантов в наиболее богатых странах Европы, в значительной мере, лежит *за пределами миграционной и интеграционной политики государства.*

3. Что дальше?

Что же дальше, после и вместо мультикультурализма?

Главная задача связана, я полагаю, с *осознанием реальных вызовов и порождающих их причин*. Метафорически говоря, нужно начать искать потерянные ключи не под фонарем, а там, где их потеряли. Усиление культурных фобий и их политическая эксплуатация, постоянный рост популярности ультраправых настроений свидетельствуют уж точно не в пользу продолжения консервативного политического курса.

Первая линия реформ должна быть связана с перестройкой общей социально-экономической модели. Вопреки популярному в экспертной среде мнению о необходимости ужесточения миграционной политики, введения дополнительных мер по секьюритизации и т.д., долгосрочное решение проблем, связанных с УКР, стоит искать отнюдь не в наращивании централизованного управления. Оно заключается как раз в *дерегулировании, либерализации* – открытии границ для тех, кто готов приложить усилия для построения собственного жизненного пути в соответствии с нормами и с уважением к ценностям принимающего общества. Путем участия в создании общего блага, а не за счет других. Пока же европейские государства способствуют негативной селекции, поощряя иммиграцию тех, кто в противном случае не приехал бы.

Парадоксальным образом, европейским правительствам стоит научиться не столько способствовать интеграции мигрантов, сколько не мешать ей.

В конце концов, представление о том, что мигранты не хотят интегрироваться, является мифом. Тех, кто осознанно стремится сохранить культуру страны происхождения, абсолютное меньшинство. Интеграция – это сложный, многовекторный процесс, в ходе которого человек встраивается в различные подсистемы «сложного общества»: рынок труда, образование, сферу досуга и творчества и т.д. Нужно постараться не мешать самим людям – мигрантам и местному населению – искать взаимный интерес и приемлемые уступки (reasonable accommodations).

Кстати, ведь совсем не случайно, что в США объективные показатели интегрированности вновь прибывающих мигрантов выше, чем в Европе. И это притом,

что в США меньше тратят не только на интеграционные курсы, но и на социальное обеспечение.

В самые последние годы на путь либерализации – в том числе в вопросах, прямо затрагивающих УКР – встала Великобритания. Есть основания полагать, что Соединенное Королевство могло бы стать примером возможной и, главное, работающей альтернативной модели в глазах других стран региона.

Итак, первый рецепт: *меньше государства, больше общества, больше горизонтальных связей.*

Во-вторых, смена доминирующей парадигмы в антропологии и других науках позволяет переосмыслить природу культурных различий, процессы формирования идентичностей и взаимодействия культурных форм. Из этого следует важный этический вывод: *разнообразие не нуждается в защите*, его рост в современных индивидуалистических обществах и так *неизбежен*.

Вместе с тем, *необходима идеологическая перезагрузка*. Принцип равенства перед законом и концепция прав человека – безусловные достижения современной Европы. Но вместе с тем, я думаю, что – как бы ни происходил постепенный демонтаж социального государства – неминуемо встает вопрос о *разграничении между правами гражданина и правами человека*. Иллюстрацией практической остроты этого, казалось бы, философского вопроса может служить нынешний так называемый кризис беженцев (refugee crisis).

Речь могла бы идти о том, чтобы вернуться к изначальному определению прав человека, а именно *как негативного права* на то, чтобы не быть лишенным жизни и личной свободы (не быть порабощенным), включая право на свободное передвижение и заключение контрактов. Такая концепция подразумевает необходимость позволить людям более свободно передвигаться, в том числе при ощущении опасности своей жизни и здоровью, и получать свободный доступ к рынку труда и институтам адаптации (в обход государственной дискриминации, осуществляемой от имени французов или немцев). Но это *не означает* приобретения гражданских прав, как то: право голоса, распределение коллективного богатства в виде пособий и социальной помощи, право на требование создания особых условия для защиты своей культуры. Подобное практические разграничение позволило бы снять многие противоречия и страхи, порождаемые логикой функционирования современного социального государства.